

М.Иванова

Неприкаянные души

Мария Иванова

Неприкаянные души

<https://litres.ru/73806119>

SelfPub; 2026

Аннотация

Середина XIX века. В сонный провинциальный городок, где жизнь течет размеренно и чинно, прибывает блестящий молодой врач. Обаятельный, образованный и загадочный, он мгновенно становится кумиром местных гостиных. В него влюблены все, кроме юной Вари, любительницы физики и фантастики.

Однако пытливый ум Вари и ее отстраненность привлекают доктора. Между ними завязывается странная, полная интеллектуальных споров симпатия. Варя верит, что нашла родственную душу, но она еще не знает, какую цену придется заплатить за это сближение.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мария Иванова

Неприкаянные души

Глава 1

В середине XIX века уездный городок Ведимск жил по заведенному распорядку: воскресные службы, новости из столицы с опозданием на неделю и бесконечные обсуждения приданого. В доме семейства Почетиных подрастали три дочери — Анна, София и Варвара.

Старшая, Анна, была воплощением строгого порядка. Она знала наперечет количество полотен в сундуках и точно помнила, сколько сахара ушло на варенье прошлым летом. Для неё жизнь была ясной тропой от алтаря к почетному статусу хозяйки дома, и в её взгляде читалась готовность принять эту участь без лишних вздохов.

Средняя, София, казалось, едва касалась земли подолом своего платья. Её миром были французские романы и засушенные цветы между страниц. Пока Анна считала ложки, Соня считала звезды на вечернем небе, ожидая, что однажды почтовая карета привезет не только газеты, но и ту самую судьбу, о которой пишут в книгах.

Младшая, Варвара пропадала в отцовской библиотеке, пропахшей пылью и кожей. В её тонких пальцах, вечно ис-

пачканных чернилами, сжимались не любовные записки, а труды по естествознанию, она превратила мезонин в неприступную крепость. В гостиной звенели чайные ложки и обсуждались фасоны кринолинов, а она зачитывалась трудами Гершеля о туманностях и переводами ранних фантастических утопий. Для Вари Вединск казался застывшим в янтаре комаром.

В гостиной пахло липовым цветом и свежесваренным чаем. Анна методично разливала напиток, следя, чтобы струйка не пролилась мимо фарфора. Соня у окна задумчиво перебирала кружева, а Варя, прижав к груди увесистый том в кожаном переплете, пыталась незаметно проскользнуть к лестнице.

— Опять ты со своими фолиантами, Варя? — Анна не подняла глаз от чайника, но голос её прозвучал как судебный приговор. — Маменька просила приготовиться к приходу гостей, у нас будет сын судьи, между прочим.

— Сын судьи обсуждает только качество псовой охоты и цену овса, Аня, — Варя остановилась у первой ступеньки. — Это утомительно. В этой книге, между прочем, описывают аппарат, который может передавать голос на мили через проволоку. Это куда интереснее овса.

Соня обернулась, её глаза мечтательно заблестели:

— Голос через проволоку? Это как шепот призрака? Une voix d'outre-tombe... Как в романах госпожи Радклиф?

— Это физика, Соня, — отрезала Варя. — Никаких при-

зраков. Просто электрические импульсы.

— Электрические импульсы не вышьют тебе приданое, — Анна со стуком поставила чашку на блюдце.

— Пока вы обсуждаете, чья модистка лучше, люди в столицах заглядывают в телескопы и видят другие планеты. Там, может быть, жизнь совсем иная, без этих бесконечных чаепитий и реверансов.

— Mon Dieu, — вздохнула Соня, прижимая руки к щекам.

— Маменьке скажите, что у меня мигрень, — Варя сделала шаг вверх по лестнице. — От избытка невежества в этом доме.

— Варя! — крикнула вслед Анна, но дверь в мезонине уже захлопнулась, оставив в гостиной лишь аромат чая и недоуменное молчание.

Спокойствие города нарушил приезд молодого доктора Александра Черновского. Столичный шик в нем сочетался с невероятным обаянием. Он был не только прекрасным врачом, но и блестящим собеседником: цитировал поэтов, играл на фортепиано и обладал тем редким качеством, которое заставляло каждого чувствовать себя особенным. Черновский быстро стал центром притяжения, с ним можно было столкнуться на проминатах в городском саду или на вечерах у предводителя дворянства, однако, еще ни разу не был у Почетиных.

Сестры, Анна и София, чьи мысли последние дни были заняты исключительно новым знакомым, взялись за дело с истинно девичьим упорством, весь вечер они кружили вокруг родителей:

— Матушка, батюшка, мы просто обязаны пригласить Александра Петровича к нам! — Соня умоляюще сложила руки, глядя на родителей.

— Весь город только и говорит о его талантах, — подхватила Анна, густо краснея. — Негоже нам оставаться в стороне, когда он посетил уже все приличные дома.

— И впрямь, Софья, — отец медленно отложил газету, поверх очков глядя на дочерей, — весь город говорит. Но говорят не только о талантах, а еще и о том, как стремительно пустеют буфеты в тех домах, где он задерживается дольше часа, ха-ха-ха!

— Папенька! — всплеснула руками Соня. — *Vous ne parlez que de la prose de la vie!* Александр Петрович — натура научная, творческая, он ищет вдохновения, а не пирожков.

— Одно другому не мешает, — подала голос матушка, не отрываясь от вышивания.

— Решено! Ужину быть! — воскликнул господин Почетин, захлопывая газету.

Старшие сестры были в восторге. Как и добрая половина городских барышень, они втайне были влюблены в доктора. Лишь Варвара, услышав о готовящемся званом ужине, только плотнее сжала корешок своей книги.

Вечер званого ужина у Почетиных был в самом разгаре. Гостиная наполнилась гулом голосов, звоном хрусталя и азартными выкриками молодежи, игравшей в фанты. Доктор Черновский, как всегда, был в центре внимания, его остроты вызывали взрывы хохота у Анны и Софьи.

Варя, верная себе, ускользнула в тень книжного шкафа. В руках у нее был увесистый том о физических свойствах эфира. Она наблюдала за доктором с плохо скрываемым скепсисом: «Очередной столичный щеголь, — думала она, — мастер пустых любезностей», - она перевернула страницу, делая вид, что погружена в чтение, но на деле ловила каждое его слово.

В какой-то момент Черновский, словно почувствовал на себе колючий взгляд и обернулся. Его глаза встретились с глазами Вари. Он ускользнул из густи событий и подошел к ней:

— «О физических свойствах эфира»? — прочитал он название на корешке, и в его голосе впервые за вечер промелькнула не светская любезность, а искреннее удивление. — Смелый выбор для столь юной дамы.

Варя приготовилась ответить колкостью, но доктор продолжил:

— Вы верите, что гальванизм способен вернуть жизнь? — в его голосе не было и тени насмешки — Или это лишь по-

пытка обуздать силу, которой мы не понимаем? — Он заговорил о последних экспериментах с электричеством, о которых она только мельком читала. Александр говорил страстно, описывая, как искры тока заставляют сокращаться мышцы и как это может перевернуть медицину. Голос его стал тише, глубже, и Варя поймала себя на том, что подалась вперед, забыв о своем скепсисе:

— Расскажите... расскажите подробнее о лондонских опытах, — попросила она, и в её голосе впервые за всё время не было колючек.

— В этих искрах, Варвара Павловна, скрыта сама природа жизни, — продолжал Александр, и его глаза в полумраке библиотеки вспыхнули особенным, лихорадочным блеском. — Мы стоим на пороге эпохи, когда врач перестанет быть просто наблюдателем у постели больного. Мы станем творцами, способными подчинить себе невидимые токи самой жизни.

Глава 2

Варя и Александр стали друзьями по интересам. Они забирались в кабинет или гуляли по аллеям городского сада. В тени вековых лип, где время, казалось, замедляло свой бег, их диалоги превращались в чертежи будущего, они обсуждали всё: от тайн человеческого мозга до устройства паровых машин.

— Если разум диктует законы природе, то почему он так бессилён перед устройством обычного клапана? – спросила Варя.

— Клапан — это лишь вопрос механики, Варвара, взгляните, — Александр начал рисовать на земле тростью схемы, — Если мы представим человеческое сердце как гидравлический насос... Вот здесь, — он резко прочертил дугу, — можно было бы установить систему заслонок из тончайшей стали. Представьте: механизм, который не знает усталости, не боится горячки и качает кровь с точностью часового маятника.

Варя подошла ближе, ее тень легла на чертеж.

— Механическое сердце? — она нахмурилась, глядя в линии. — Это смело. Но где в этой схеме место для... души? Если мы заменим плоть металлом, не превратим ли мы человека в еще одну паровую машину, у которой вместо воли — лишь давление пара? — Варя поражалась тому, как

легко доктор переходил от цитирования Канта к описанию сложнейших хирургических инструментов, однако без смущения могла указать на этическую сторону его дерзких идей.

— Душа — субстанция неуловимая, — мягко ответил он. — Но я как врач вижу, как люди умирают от того, что их «насос» изношен. Кант учил нас моральному закону внутри нас. Разве не высшая мораль — использовать разум, чтобы победить саму смерть?

Варя задумалась. Они замолчали, всматриваясь в чертеж и слушая, как шумит листва.

Шли годы, город менялся, в его центре выросла современная больница, а старое здание на окраине пришло в запустение, дорожки к нему поросли густым лопухом и крапивой, краска на ставнях облупилась. Александр Черновский помногу работал, стал реже появляться в свете, ссылаясь на огромную нагрузку в новой лечебнице. Соня и Анна давно вышли замуж, и только Варя осталась в родительском доме, она продолжала дружить с Александром и по вечерам, когда город засыпал, они встречались в заброшенном саду старой больницы. Среди одичавших яблонь и высокой травы они гуляли часами. Доктор рассказывал ей о своих исследованиях, о «границах человеческой жизни», которые он мечтал раздвинуть:

— Посмотрите, Варенька, — говорил он, указывая на набросок аппарата для ингаляции эфира, — медицина пере-

стаёт быть пыткой. Мы на пороге эры, где боль будет побеждена химией, а не молитвой.

Варя слушала его, замороженная масштабом его идей, она смотрела на него как на божество:

— Вы хотите изгнать боль из мира, — прошептала она, — Но не боитесь ли вы, что, убрав страдание, вы уберете и ту черту, что делает нас людьми?

— Страдание не делает нас людьми, Варенька, оно лишь ломает нас, — голос его зазвучал глухо, с той болезненной убежденностью, которая пугала и восхищала её одновременно. — Разве мать, кричащая от боли в родильной горячке, становится «человечнее»? Разве солдат, которому пилят кость без капли макового сока, в этот миг ближе к Богу? Нет. Боль — это хаос, это унижение плоти. Она отнимает у человека разум. Вы боитесь, что мы потеряем душу, если перестанем мучиться? — Александр горько усмехнулся. — Поверьте, у человечества останется еще достаточно поводов для скорби: предательство, безответная любовь, страх смерти...

— И всё же, Александр... — она запнулась, подбирая слова. — Где предел? Если мы научимся выключать боль, если научимся возвращать искру жизни... не захотите ли вы однажды занять место самого Творца? Не станет ли мир, в котором нет страданий, миром, в котором нет и... чуда?

Черновский промолчал, глядя на темные окна заброшенной больницы. Варя всё чаще замечала, что Александр по-

гружается в свои мысли, оставляя её одну даже тогда, когда они стояли рядом.

Одной осенней и безлунной ночью, когда густой туман окутал улицы, этот маленький город всколыхнула тревожная весть - внезапно исчезла дочь местного аптекаря. Варя смутно помнила её бледное лицо за прилавком среди рядов пузатых флаконов с латинскими надписями.

— Александр, аптекарская дочь... Вы ведь видели её перед исчезновением? Она заходила к вам в лечебницу за эфиром? — поинтересовалась Варя.

— Да, она была больна, Варенька. Душа её была источена тоской.

В последнее время аптекарская дочь вела себя странно, будто жила в ином мире. Она казалась одновременно влюбленной и совершенно потерянной, пугающе счастливой и безысходно грустной.

Активные поиски шли недолго. В маленьком городке, где каждый шорох за чужим забором обсуждался неделями, воображение обывателей быстро заполнило пустоту удобными версиями. Одни люди с уверенностью говорили, что аптекарская дочь тайно сбежала с проезжим гусаром, другие шептались, что бедняжка заблудилась в лесу, который в ту осень стоял особенно черным и неприветливым.

Город затих, удовлетворенный этими объяснениями, а в

скорее и вовсе забыл эту историю.

Годы продолжали идти, город неумолимо разрастался, поглощая окраины камнем и железом, но заброшенный сад оставался нетронутым ковчегом для Александра и Вари. Их встречи в саду стали ритуалом, не подвластным возрасту. Пока вокруг строили телеграфные линии, они в своем уединении заглядывали гораздо дальше — в те области науки, которые современникам казались чистым безумием или опасной мистикой. Они обсуждали невидимые лучи, способные видеть сквозь плоть, Александр увлеченно доказывал, что память — это лишь особый вид оттиска на ткани мозга, а Варя, глядя на колышущиеся тени деревьев, спрашивала, нельзя ли теоретически повернуть время вспять или зафиксировать последний образ, запечатленный в зрачке умирающего.

— Мир считает это волшебством и варварством, Варенька, — тихо говорил доктор, — лишь потому, что боится заглянуть за занавес. Но посмотрите на телеграф: разве не сочли бы его колдовством пятьдесят лет назад? Мы просто учимся читать язык, на котором говорит Вселенная.

Он остановился у старой, наполовину иссохшей яблони и прикоснулся к её коре, словно проверял пульс.

— Вы спросили о последнем образе в зрачке... — Александр повернулся к ней, и Варя заметила, что седина в его волосах в лунном свете кажется серебряной пылью. — Я думаю, это не просто картинка. Это энергетический след. Если

мы научимся его считать, мы сможем услышать голос тех, кто уже не может говорить.

Тот первый случай с дочерью аптекаря со временем перестал быть из ряда вон выходящим — периодически, раз в несколько лет, город будоражили новые вести о пропавших девушках. Обыватели шептались о «проклятом месте» или дурной крови, но страх быстро сменялся привычкой, и новые трагедии так же легко тонули в забвении, как и первая.

Однажды пришла беда и в дом Вари, пропала одна из сестер. Исчезновение Софьи разорвало сонную тишину города, словно выстрел. Это была уже не безвестная модистка или заезжая торговка — пропала дочь Почетина. Город накрыла лихорадочная волна обысков; жандармы стучали в каждую дверь, а на рыночной площади только и шептались о «невидимке», похищающем красавиц.

Отец Варвары, постаревший за одну ночь, превратил дом в крепость. Засовы на дверях задвигались засветло, а Варе было строго-настрого запрещено переступать порог без сопровождения. Но страх не мог заглушить в Варе потребность в единственном человеке, которого она считала родной душой.

— Вы рискуете собой, Варенька, — шептал Черновский, когда она, запыхавшаяся, проскользнула к нему на встречу. — Повсюду патрули, а похититель всё еще на свободе.

В ту ночь доктор казался особенно бледным. Под его гла-

зами залегли глубокие тени, а руки в тонких перчатках слегка подрагивали. Он больше не говорил о звездах или электричестве; его занимали вопросы:

— Вы помните, Варенька, — он подался вперед, и она почувствовала слабый, едва уловимый запах лекарств, исходящий от его плаща, — замечала ли Софья в последние дни что-то необычное? Чье-то навязчивое внимание? Или, быть может, она жаловалась на внезапное недомогание, странную сонливость после вечерних прогулок?

Его взгляд, обычно ясный и пронзительный, теперь метался по сторонам, словно доктор пытался разглядеть того самого «невидимку» в каждой тени старого парка. Варя видела, как он сжал кулаки, и это движение выдало его. Ей казалось, что он мучился от некой догадки, которой пока не решался поделиться.

— Город бредит призраками, — продолжал он, понизив голос до едва различимого трепета.

— Александр, полиция нашла связь между всеми случаями, — прошептала Варя, — Они ищут место, где можно было бы долго скрывать человека. — Она на мгновение взяла его за руку и сжала ладонь, сквозь тонкую лайку перчаток Варя почувствовала, какими ледяными были его пальцы. Вдали послышался ритмичный стук подкованных сапог по мостовой — патруль приближался. Черновский отступил в глубокую тень колонны, почти сливаясь с ней.

Глава 3

— Вы должны идти, Варя,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.